

Г.В. Носова

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ В 1812–1814 гг.

В период Отечественной войны 1812 года и зарубежных походов возросло значение предпринимательства, особенно промышленного, связанного с вооружением и обмундированием армии. Здесь существенную роль сыграла государственная промышленность, доминировавшая в ряде отраслей¹ и ставшая флагманом модернизации (например, техническое перевооружение в 1812–1814 гг. Александровской бумагопрядильной мануфактуры при финансировании из Сохранных казён Императорского воспитательного дома позволило выпрядать пряжи более 5 тыс. пуд. ежегодно и приступить к сооружению льнопрядильни², что являлось примером успешного импортозамещения). Но казённые заводы не облагались значительными налогами³ (к тому же доходы некоторых из них уменьшили хищения, участвовавшие накануне войны)⁴.

Существенным источником казённых доходов были поступающие прямые и косвенные налоги с частных предпринимателей, как то: гильдейский сбор с купечества, подати с владельцев горных и соляных заводов, с торгующих крестьян и мещан, отечественных и иностранных ремесленников, проживающих в столицах, а также откупные платежи, соляной и паспортные сборы, таможенные пошлины. Бюджет в 1813–1814 гг. пополнялся и за счёт взысканий с предпринимателей за неисполнение условий контракта⁵. Причем в 1813 г. взыскивали за недопоставки 1809–1810 гг.⁶

Сумма налоговых поступлений с предпринимателей могла существенно увеличиться, так как налоги взимались с их фактического количества. Но численность населения городов, с которым

напрямую связывают развитие предпринимательства⁷, росла очень медленно (к 1795 г. городских сословий насчитывалось 1,6 млн человек (4% населения)⁸. Расширился круг лиц, занимавшихся предпринимательством (помимо купцов, согласно манифесту от 1 января 1807 г., дворяне тоже могли вступать в гильдии⁹, распространялась крестьянская торговля), однако предприниматели были в основном мелкие, сборы с них в казну оказывались незначительными. Среди торгующих сословий преобладало мещанство (в 1811 г. гильдейское купечество составляло 15%, а мещанство – 85%), а среди гильдейского купечества – купцы 3-й гильдии (в 1811–1815 гг. купцы 1-й гильдии составляли 3%, 2-й гильдии – 7%, 3-й гильдии – 90%)¹⁰. Крупные капиталы были во внешней торговле, фактически монополизированной в конце XVIII в. английскими компаниями.

Вместе с тем следует отметить факторы, способствовавшие развитию предпринимательства. Это, в первую очередь, расширение внутреннего рынка (окончательное разделение районов на земельные и промышленные делало необходимым товарообмен между ними)¹¹, в общероссийский рынок включились самые отдалённые окраины и присоединённые новые территории, в частности Финляндия. Даже в 1812 г. оборот внутренней торговли составлял почти 260 млн руб. серебром¹². Крупнейшими торгово-промышленными, складочными и транзитными центрами были Петербург и Москва. Однако и в так называемых периферийных городах купечество и мещанство приобретало всё больший вес. Косвенным свидетельством тому служит промышленная статистика (затраты на предприятие заставляли предпринимателей в большинстве случаев продолжать начатое дело, в отличие от торговли, так как из гильдии часто уходили в мещанство, распродав крупную партию товара). Министр внутренних дел В.П. Кочубей в конце 1802 г. называл «3 казённые, 23 обязанные и вольных фабрик всякого рода 2364» (из контекста документа можно сделать вывод, что речь идёт о текстильных предприятиях)¹³. Развивалась и пищевая промышленность. Так, в имеющей сельскохозяйственную специализацию Орловской губернии, в г. Ельце, уже в 1802 г. имелось 35 заводов по переработке сельхозпродукции¹⁴. По официальным данным Министерства внутренних дел, которые оно само признавало далеко не полными, в 1812 г. насчитывалось фабрик 2322, в 1814 г. – 3731¹⁵. А в 1815 г. исследователи указывали на наличие 4189 заводов (кроме

горных, винокуренных и пивоваренных) с 173 тыс. рабочих¹⁶. Отмечалось, что 1807–1817 гг. были самыми благополучными для текстильных фабрик, поэтому не было волнений работников, не было и недоимок при уплате налогов¹⁷.

Росла численность купечества и во всех портовых городах. Даже в наименее развитой Таврической губернии в малонаселённой Феодосии¹⁸, где из-за слабых связей с центром провозглашенное портофранко через полтора года было отменено (в конце 1799 г.)¹⁹, из 290 человек податного населения было 22 купца и 260 мещан²⁰.

В конце XVIII – начале XIX в. купеческое сословие активно пополнялось выходцами из крестьян. Этот переход сопровождался дополнительным налогообложением (указ от 3 июня 1801 г. разрешал «крестьянам записываться в купцы и мещане с выплатой подати по двум состояниям»)²¹. С 1813 г. случаи приема в Московское купеческое общество экономических крестьян участились. Перед приемом делался запрос: «...приобыкли ли они к свойственному купеческому промыслу или к какому-либо рукоделию»²², далее уточнялось, что «принимающее их градское общество обяжется ли до ревизии платить все по крестьянству подати сполна... крестьяне в обеспечение платежа при записке своей в купечество внесут ли наперёд соразмерную трёхгодичной подати сумму денег или залог»²³. На практике крестьяне, вступившие в Московское купеческое общество в 1813 г., вносили подати билетами Сохранной казны Воспитательного дома по 1200–1250 руб.²⁴

С начала XIX в. увеличилась миграция купцов, многие переселялись в Москву. Продолжились эти процессы и в 1813–1814 гг. Так, 11 февраля 1813 г. были рассмотрены полученные из Московской казённой палаты указы от 1 августа 1812 г. и 14 января 1813 г. о приёме в Московское купеческое общество Тамбовской губернии елатомского купца И.Г. Макашина с сыном (торг имеет, кредит за подписанием Г. Кольчугина, А.Л. Шелапутина и П.Г. Сысоева) и Вологодской губернии великоустюжского 1-й гильдии купца Н.Е. Шерагина (торг имеет, кредит за подписанием первостатейного И.С. Насонова, 2-й гильдии Н.Н. Кольчугина и М.И. Жильцова)²⁵. 11 февраля 1813 г. – соликамского купца М.С. Матушкина (торгует книжным товаром, кредит за подписанием московских купцов О. Л. Свешникова, А.В. Базунова и П.Н. Инихова)²⁶. 12 мая 1813 г. стали московскими серпуховские, кашинские и тульские купцы²⁷; 27 июня 1813 г. – венеvский купец Ф.И.

Брежнев²⁸. Важное значение имело переселение в Москву купцов из особо пострадавшей от наполеоновского нашествия Калуги²⁹, которая так и не восстановилась после 1812 г., превратившись в рядовой провинциальный город³⁰ (9 июля 1813 г. в московское купечество был принят калужский купец П.А. Толмачёв, 27 февраля 1814 г. – Калужской губернии боровский мещанин М.И. Тяпкин, 20 августа 1815 г. – калужский купец В.В. Афончиков и др.)³¹. А 27 февраля 1814 г. в московские купцы был записан «иностранец прусской нации М.Я. Конь»³², который, возможно, был текстильным фабрикантом. Примечательно, что уже в конце 1812 г. в Москве заработали промышленные предприятия³³. А в 1814 г. московская промышленность была восстановлена³⁴. В это же время увеличивается население второй столицы: «В начале января 1814 г. в Москве проживало 161 986 чел. (102 514 муж., 59 472 жен.). Из них купцов 12 111 чел.»³⁵.

Но в 1812–1815 гг. шёл и обратный процесс – купцы покидали Москву (в 1812 г. было 3585 купеческих семей, а в 1815 г. – 998). Купцы уезжали в другие города, «увольнялись» для учёбы и меняли род занятий, что было связано в первую очередь с возросшими местными сборами на восстановление сгоревших мытного двора, торговых рядов и лавок³⁶ (но выход из Московского купеческого общества сопровождался выплатой налогов). Так, детям московских купцов 3-й гильдии (А. Маркову, Я. Кролю, М. Быстрову) разрешили покинуть своё сословие «с обязанием отцов их подписками в платеже за них податей»³⁷. Разрешения на переезд купцов в другие города давались только при наличии справки об уплате всех гильдейских повинностей. Скажем, 29 июля 1813 г. рассматривалась «просьба уволить в Санкт-Петербургское купечество П.В. Красильникова... по справке в доме московского градского общества оказалось, что проситель... в Семёновской слободе состоит по 3 гильдии и на 1812 г. капитал был объявлен и с него процентные деньги заплачены, паспорт же ему дан 12 февраля по 1 декабря 1812 г.»³⁸. В случае ухода купца в монастырь также требовались обязательства по выплате податей. Так, 26 сентября 1814 г. рассматривался вопрос «об увольнении купца Кошельной слободы М. Фролова в монашеское звание... с обязательством братьев в платеже податей»³⁹.

При этом Московское купеческое общество в большинстве случаев отпускало «на учение» купеческих детей. 27 февраля 1814 г. было дано согласие на «увольнение в Медицинскую академию» сына купца 2-й гильдии Басманной слободы П.П. Пеше⁴⁰.

Особенностью этого периода стало увольнение купцов в действующую армию. Например, 2 декабря 1814 г. поступило «от шефа бородинского пехотного полка полковника Шатилова отношение касательно до увольнения купеческого сына Богдана Миллера на поступление на службу во вверенный ему, Шатилову, полк»⁴¹.

В 1811–1815 гг. шёл и процесс укрупнения капиталов, что часто было связано с криминалом – соучастием в хищении государственных денег или собственности⁴². Заинтересованность в дешёвой рабочей силе привела к массовому использованию на заводах беглых крестьян и каторжников, что отмечалось в указе от 24 ноября 1813 г. «О взыскании с купцов и мещан, изобличённых в передержательстве беглых...»⁴³.

Наибольшие суммы в казну поступали с купечества, налогооблагаемыми были также торгующие крестьяне и ремесленники, которых часто, особенно в столицах, относили к категории мелких предпринимателей (см. табл. 1).

Сумма купеческих сборов была довольно высока, особенно по первым двум гильдиям. По именному указу от 8 ноября 1807 г. повышена норма капиталов для гильдий: «Купечество 1 гильдии объявляет капитал от 50 тыс. руб. и более... Купечество 2 гильдии объявляет капитал от 20 тыс. руб. и более... Купечество 3 гильдии объявляет капитал от 8 тыс. руб. и более»⁴⁴. В 1812–1815 гг. купцы платили 4,5% с капитала в казну⁴⁵, а также различные местные сборы, которые заметно возросли после выхода именного указа от 29 декабря 1812 г. «О причислении к общим государственным доходам сбора четверти процента с купеческих капиталов, манифестом 1 января 1807 г. городам уступленного»⁴⁶. В 1813 и последующих годах стал активно применяться указ от 18 апреля 1812 г., инициированный Д.А. Гурьевым, касающийся сбора недоимок, в котором, в частности, говорилось: «Годовую мещанскую подать, взимаемую с купцов за неисправный платёж процентов с капитала, как несовместную с Манифестом 16 мая 1811 г., отменить. Постановленную же Манифестом пеню по 1% на месяц полагать без всякого различия на количество подати с купеческих капиталов, как принадлежащей казне, так и предоставленной в пользу городов, и взыскивать всю в казну без всяких между казёнными палатами и градскими думами расчётов»⁴⁷. Для других категорий предпринимателей предусматривался следующий порядок взыскания: «Недоимки с иностранных ремесленников в столицах, и крестьян, в оных торгующих, равно и с колонистов, взыскивать

на основании Манифеста. Поелику же торгующие в столицах крестьяне, сверх взимаемого в казну сбора, повинны некоторые подати платить и городам, то налагаемая на них пеня должна поступать в Государственную казну со всей суммы, которая ими в срок не заплачена»⁴⁸. С 1813 г. недоимки по сборам с купеческих капиталов стали представлять значительную проблему (в 1813 г. купечество было должно 5 492 667 руб. 10 $\frac{1}{4}$ коп.)⁴⁹.

Таблица 1

Налоговые сборы с купцов и торгующих крестьян⁵⁰

Год	Планируемый сбор с купеческих капиталов, руб.	Фактический сбор с купеческих капиталов, руб.	Планируемый сбор с торгующих крестьян, руб.	Фактический сбор с торгующих в столицах крестьян, руб.
1811	4 736 260 р. 69 $\frac{1}{2}$ к.	4 942 755 р. 46 $\frac{3}{4}$ к.	311 450 р.	262 400 р.
1812	4 711 910 р. 50 $\frac{1}{2}$ к.	11 839 695 р. 40 $\frac{3}{4}$ к.	268 215 р.	5 195 р.
1813	14 395 409 р. 39 $\frac{1}{4}$ к.	9 710 481 р. 42 к.	—	1 210 р.*
1814	13 817 605 р. 85 $\frac{3}{4}$ к.	9 491 307 р. 37 $\frac{1}{4}$ к.	—	—
1815	11 199 526 р. 66 $\frac{1}{2}$ к.	9 638 473 р. 17 к.	—	—
1816	10 646 600 р. 30 $\frac{1}{2}$ к.	9 422 042 р. 42 $\frac{1}{2}$ к.	—	—

* По указу от 29 мая 1814 г. крестьянская торговля фактически была освобождена от налогов (ПСЗРИ. № 25594).

Сборы с купеческих капиталов значительно уменьшились в 1813 г., что отчасти обусловлено освобождением от налогов на 1813 г. московских, смоленских и калужских предпринимателей по положению Комитета министров от 11 января 1813 г. «Об избавлении мещан Московской губернии от рекрутского набора и о распространении положения Комитета министров 10 декабря прошедшего года о даровании льготы разорённым жителям Смоленской и Калужской губерний и на жителей Московской губернии»⁵¹. Однако в июле 1813 г., т.е. когда собирались налоги за первое полугодие, стали разбирать возникающие споры. Некоторые московские купцы просили освободить от налогов и в тех случаях, когда их предприятия находились в других губерниях. Так, московский купец 2-й гильдии И.И. Боленс 14 июля 1813 г. обратился к Московскому купеческому обществу с просьбой «об освобождении объявленного на нынешний 1813 г. капитала и от платежа с оного положенных денег, не запрещая ему пользоваться

вкупе с ними по 2 гильдии правом, чтоб он мог удостоится по торговой коммерции вновь приготовленной на [кирочном] его заводе, состоящем в Рязанской губернии в С...ом уезде... товар»⁵². На прошении была сделана приписка: «по случаю значительной потери имущества при нашествии неприятеля»⁵³.

Объединённые в цеха по Городовому положению (указ от 21 апреля 1785 г.) «мастера, подмастерья и ремесленники различных ремёсел»⁵⁴ вместе с мещанами также были объектом налогообложения. При восстановлении ремесленных цехов после пожара в Москве свою роль сыграла и система госзаказов. Так, в 1813 г. заказ на пошив обмундирования получили московские мастерские⁵⁵.

В 1813 г. московские цеховые были освобождены от налогов (позднее значительное количество цеховых фигурировало в списках получивших пособие как «разорённые от неприятеля и просившие по бедности»)⁵⁶, но с них взыскивали недоимки за прошлые годы, что вызывало трудности. Так, 19 июля 1813 г. поступило прошение цехового Михайлы Андреева, сына Калмыкова, адресованное «г. статскому советнику московского суда 1-го департамента председателю правящего должность московского гражданского губернатора А.И. Данилову», об освобождении от взноса податей: «Прошлого 1812 г. апреля 17 дня по московской казённой палате записанным я состою обще с детьми моими Александром, Иваном, Николаем и Андреем в Московском цеху, и как в оной за себя, так и для всех детей моих на прошлый 1812 г. все государственные подати сполна заплачены; но как в нынешнем июле месяце хотя и явился в Московскую цеховую управу для получения как мне и показанным детям моим... на сей 1813 г. билетов, то она мне объявила, чтобы я заплатил прежде податей 96 руб., а без того и означенных билетов мне дано не будет»⁵⁷. Проситель также отметил: «...на сей следующих в казну податей заплатить по разорению и неимуществу моему не в силах...»⁵⁸. Но в рапорте из ремесленной управы от 31 июля 1813 г. говорилось, что «в 1812 г... оказалось, подати с них требованы не были и дети его, Калмыкова, состоящие в ювелирном и живо...ом (неразборчиво. – Г.Н.) цехах, никогда в сию управу не являлись... М. Калмыков, состоящий в фер...ом (неразборчиво. – Г.Н.) цеху... с сыном своим, почему с оногo и до увольнения, требующегося в разные города, залогом на платёж государственных податей на будущий год и требованы были, но не то самое количе-

ство, какое ныне»⁵⁹. Далее указывалось, что «должные для прожития здесь в Москве виды с семейством его выданы»⁶⁰.

В этот период уже значительная часть ремесленников-одиночек не выходила на общероссийский рынок со своей продукцией, реализуя товар через посредников-купцов. Исключение составляли иностранные ремесленники, работавшие в столицах, которые, согласно плану М. Сперанского, по манифесту от 2 февраля 1810 г. должны были платить: мастера по 100 руб., подмастерья по 40 руб. и ученики по 20 руб.⁶¹ Примечательно, что в 1810-х годах ремесленников из Финляндии считали в Петербурге за иностранцев⁶².

На 1813 г. планировалось получить «подушных с мещан и цеховых – 5 535 451 руб. ... подати с иностранных ремесленников, находящихся в столицах – 268 595 руб.»⁶³ (в 1814 г. соответственно 5 746 338 руб. и 234 400 руб.)⁶⁴. Однако в финансовом отчёте за 1813 г. был зафиксирован огромный рост недоимок: «подушных с мещан и цеховых – 4 505 483 руб. 28 ½ коп., осталось в недоимке – 4 100 005 руб. 62 ¼ коп. ... податей с иностранных ремесленников, живущих в столице – 4 980 руб., осталось в недоимке – 852 545 руб. 78 ½ коп.»⁶⁵. Многие иностранные ремесленники покидали Россию в этот период, другие были разорены нашествием⁶⁶.

Незначительные поступления в казну приносили частные горные заводы. В 1811–1815 гг. их прибыли должны были существенно увеличиться благодаря получению крупных военных заказов. «Частные заводы получили в 1811–1813 гг. три "наряда" на поставку снарядов. "Наряд" на 1811 г. составлял по всем частным заводам 350 тыс. пудов артиллерийских снарядов, на 1812 г. – 200 тыс. пудов, на 1813 г. – 292,38 тыс. пудов»⁶⁷. Поэтому по указу от 7 марта 1812 г., инициированному министром финансов Д.А. Гурьевым, были удвоены пошлины, платимые частными горными заводами: «Все денежные пошлины частных горных заводов, как-то по 8 коп. с пуда выплавляемого чугуна на заводах, от казны пособия не имеющих; по 12 коп. с пуда такого же чугуна на заводах, имеющих с домен по 200 руб. с каждой; с меди, остающейся за исключением десятины, по 33 руб. с пуда; и с медеплавильных печей по 10 руб. с каждой – должны быть с 1 января с. г. удвоены»⁶⁸. Но трудности с реализацией подорожавших металлов, а также потери многих крупных владельцев горных заводов⁶⁹, имевших недвижимость в Москве, стали основанием для уменьшения размера этих пошлин. 29 декабря 1812 г. вышел именной

указ «О не взыскании с 1813 г. с горных частных заводов двойной пошлины; о взимании одних существовавших податей и о взносе от держателей тех заводов установленного сбора с получаемого чистого дохода». Согласно указу, двойная пошлина не взыскивалась с металлов, выплавленных в 1812 г., а «содержатели горных заводов, по примеру прочих владельцев недвижимых имений, обязаны вносить установленный сбор с получаемого ими от заводов чистого дохода...»⁷⁰.

Традиционно наибольшие суммы дохода приносили винные откупа⁷¹, хотя наряду с ними действовали и казённые винокуренные заводы, сами реализующие свою продукцию⁷². Уже с начала 1812 г. проблему стали представлять недоимки по откупам. 24 мая 1812 г. вышел сенатский указ «О недопущении умножения откупных недоимок на содержание питейных сборов, под опасением строгого взыскания», в котором отмечалось, что недоимки «не только превосходят уже четвертую часть предоставленную по откупам залогов, но и все оные весьма много превосходить начинают... дополнительные залогов...»⁷³. Удар по откупной системе нанесла и оккупация Москвы. Вскоре после её освобождения министр финансов Гурьев отметил: «...столичный город, приносивший откупам ежегодного дохода более 4 млн 500 тыс. руб. остаётся поныне без казённой питей[ной] продажи»⁷⁴. В отношении Д. Гурьева (с его автографом) московскому вице-губернатору от 16 декабря 1812 г. отмечалось, что «в московских магазейнах после неприятеля найдено наличного вина более 100 тыс. вёдер»⁷⁵. 18 декабря 1812 г. в Московской казённой палате рассматривалось предложение «о восстановлении питейной продажи в Москве и других городах, где от нашествия неприятеля оная донныне прекращена»⁷⁶. При организации продажи указывалось, что вырученные деньги «поступали бы в казну еженедельно и бездоимочно по записке оных в особые книги... поручаю сие члену казённой палаты г. асессору Красовскому»⁷⁷. Примечательно, что винная продажа в Москве и других городах сразу же была монополизирована: «...явился ко мне из числа московских держателей компаньонов коммерции советник Перетц и письменно представил... что он, Перетц с компаниею согласен принять открытие и производство той продажи от себя, поручаю оную в Москве и во всех тех городах и уездах Московской губернии, которые пред сим у компании их были на откуп, комиссионеру их Шапошникову, под присмотром одного со стороны правительства чиновника...»⁷⁸. Причём к приемке откупов, по уверению Перетца,

можно было приступить незамедлительно⁷⁹. На значительную сумму был заключён и питейный откуп в Рузе петербургским купцом А.И. Первовым (доверенное лицо – Сергиевского посада мещанин Н.С. Кудрявцев). 13 января 1813 г. Кудрявцев напоминал, что условиями предусматривалась продажа в Рузе 5 тыс. вёдер вина, было получено 2 025 вёдер, между тем «по крайней в остальном количестве надобности» просил о немедленном отпуске остальной части вина⁸⁰. 13 января он отмечал распродажу в Москве большей части взятого из казённых магазинов вина и просил вице-губернатора А.И. Арсеньева отпустить ему под расписку ещё 300 бочек⁸¹. А 6 июля 1813 г. просил отпустить ему 800 бочек для продажи в Москве и «вверенных моему управлению питейных сборов по городам Звенигороду, Подольску и Бронницам»⁸². Продолжались его просьбы об отпуске под расписку вина и в августе. Примерно так же, под расписку, брал казённые пития и Шапошников, что привело к значительным задолженностям. Поэтому 13 сентября 1813 г. экспедицией по части винной Московской казённой палаты сообщалось ассессору Тверетину: «7 сентября г. министр финансов предложением палате изъяснил, что Комитет гг. министров положил в городах и уездах Московской губернии, потерпевших от неприятельского нашествия, питейную продажу, состоящую ныне на вере... в казённое управление поручить в непосредственное хозяйственное распоряжение инспектора... и по подчинённости его департаменту разных податей и сборов»⁸³. В 1814 г. положение о переходе откупов в казённое управление стало применяться в отношении всех неисправных должников⁸⁴. Высшее общество сочувствовало разорившимся крупным откупщикам и стало отзываться о Гурьеве негативно⁸⁵.

Уменьшение продажи «питей» и соответственный рост недоимок по винным откупам были не только в разоренной Московской губернии. 20 марта 1813 г. появился указ «О понуждении содержателей винных сборов к платежу откупной суммы». Д. Гурьев на заседании Сената заявил, что «многие из содержателей питейных сборов не только в городах, смежных с губерниями, которые подвержены были неприятельскому нашествию, но даже и отдалённых, как-то: в Костромской, Пермской и Нижегородской губерний, всего по 51 городу, вошли к нему с просьбами о том, что будто бы продажа питей по откупам их уменьшилась, заготовления же вина и других потребностей затрудняется разными неудобствами, и что по сему они

отказываются как от содержания откупа, так и заготовления потребного на продажу вина». Особенно опасным в этих условиях был рост недоимок: «Во ожидании, что правительство примет во уважение таковые их отзывы, содержатели между тем не взносят в узаконенные сроки откупной суммы и постепенно накапливают недоимку так, что она простирается ныне по губерниям, кои нашествию неприятельскому подвержены не были, до 17 млн». Откупщикам было запрещено в одностороннем порядке разрывать контракты, а поставщикам в «случае невыставки от них вина по контрактам, правительство себя принуждённым найдёт приступить к покупке оного на счёт их и представленных от них залогов»⁸⁶. В этой связи интерес представляют справки о ряде поставщиков из не бывших в оккупации губерний, фиксирующие недопоставки. Так, 26 января 1814 г. была составлена справка о поступлении вин, закупленных Пензенской казённой палатой у г. Устинова в 1813 г.: «19 марта в 176 бочках (7 319 3/8 вед.); 3 апреля в 123 бочках (5 177 вед.); 31 июня в 166 бочках (7 099 вед.). Итого 465 бочек (19 596 вед.). Следовательно, в число заподряженных у г. Устинова 20 тыс. вёдер не доставлено 404 вёдер вина»⁸⁷. Отмечены также поставки «подряженными Симбирским вице-губернатором коллежского советника Ахлебинина – 124 бочки (5 102 вед.); поручика Н. Бахметьева – 726 бочек (30 595 5/8 вед.); Симбирской казённой палатой от асессора А. Виноградова – 919 бочек (38 669 5/8 вед.); советника Г. Левковича – 458 бочек (19 445 5/8 вед.); частного пристава Кр..ера (неразборчиво. – Г.Н.) – 1 509 бочек (64 039 3/4 вед.); подпоручика Крымского – 1 777 бочек (76 029 1/8 вед.)»⁸⁸.

В конце 1813 г. основные положения откупной системы подверглись критике. 9 декабря 1813 г. вышел именной указ «О порядке производства торгов на откуп питейных сборов и об учреждении Комитета для лучшего образования питейных откупов». В документе отмечалось: «...с одной стороны, предполагаемая прибавка по рублю на ведро вина долженствует быть собранною с народа, заключает в себе тот же налог, а с другой не видно из предположения сего какое делает различие правительство между откупщиками неисправными от собственной вины или впадшими в сию неисправность по военным обстоятельствам прошедшего года?.. равномерно, почему прибавка цены на вино распространена на 29 только губерний и для чего по п. 23 положения представляется к замену недоимки прибыль, когда откупщик, накопивший оную, не будет уже участвовать в от-

купе». Было решено не менять систему кардинально: «Для отдачи питейных сборов в откуп на прежнем основании с 1815 г. вперёд на 4 года, вызвать желающих к торгам и кончить их непременно к 1 июня; торги производятся двояко: по прежнему контракту и с новою отменю... Сими новыми торгами откроется, будет ли иметь казна убыток от нового откупа и до какой степени. А как при случаях таковых обыкновенно встречаются возражения откупщиков на кондиции, Я предварительно разрешаю Государственному Совету делать отмены в условиях, сообразные пользам государственным». Предполагалось также учредить «особый Комитет для подробного рассмотрения всего того, что может служить к лучшему образованию питейных откупов. Здесь сообразить все вступившие проекты о упадке и восстановлении питейных сборов, присоединяя к оным и прилагаемую у сего записку: не рискует ли казна, уменьшая залогов на третью только часть откупной суммы? И можно ли ожидать пользы от комиссии, учреждаемой для управления откупками, когда действия её не будут обеспечены никакими залогами?.. Членов в Комитет назначить по собственному избранию вашему, поместив при том в оный и сибирского генерал-губернатора... Представить мне немедленно ведомость о недоимках и залогах по форме...»⁸⁹.

Сумма поступлений по наиболее доходным статьям питейных сборов планировалась следующей: «истинных за вино, казною для откупщиков заготовляемое» – 23 947 378 руб. 4 ½ коп. (1813 г.)⁹⁰ и 24 408 748 руб. 96 коп. (1814 г.)⁹¹. Самые большие поступления ожидалось в казну «питейных откупных с губерний, где действует винный устав» – 58 609 576 руб. 65 ¾ коп.⁹² (1813 г.) и несколько уменьшенные, учитывая фактически полученные суммы, планировались на 1814 г. – 54 868 473 руб. 26 ½ коп.⁹³ Одинаковую сумму по 10 126 674 руб.⁹⁴ планировалось получить в казну в 1813 и 1814 гг. «питейных по губерниям, на особом правиле собираемых». В финансовых планах в доходных статьях был отмечен ряд не столь больших поступлений⁹⁵.

Фактический «питейный доход» был меньше запланированного и в 1813–1814 гг., хотя в 1814 г. поступившие в доход суммы несколько увеличились. По отчёту за 1813 г. «истинных за вино, казною поставляемое и откупщикам из казённых магазинов отпускаемое» было получено 18 600 162 руб. 16 ½ коп., на 1814 г. перешло 91 109 руб. 1 ¾ коп., в недоимке – 11 999 004 руб. 44 ¾ коп.⁹⁶ За 1814 г. по этой статье было получено 20 858 969 руб. 84 ¼ коп., на 1815 г. пере-

шло 479 258 руб. 62 $\frac{1}{2}$ коп., в недоимке – 13 703 468 руб. 67 коп.⁹⁷ А «*питейных откупных, где действует винный устав*» в 1813 г. – 47 952 509 руб. 28 $\frac{3}{4}$ коп., на 1814 г. перешло 286 руб., в недоимке – 38 030 046 руб.⁹⁸; в 1814 г. – 53 771 404 руб. 12 коп., за 1815 г. заплачено 7 185 руб. 96 $\frac{1}{2}$ коп.; в недоимке к 1815 г. – 44 356 107 руб. 61 $\frac{1}{4}$ коп.⁹⁹ По отчёту 1813 г. «*питейных по губерниям, на особом праве собираемых*» – 8 239 185 руб. $\frac{1}{4}$ коп., перешло на 1814 г. – 19 652 руб.; недоимок – 6 051 873 руб. 32 $\frac{3}{4}$ коп.¹⁰⁰; а на 1814 г. – 8 537 526 руб., недоимок – 7 286 234 руб. 28 коп.¹⁰¹

Пивные откупа в этот период существовали отдельно. После пожара Москвы были подписаны, практически в то же время как и винные, условия пивной продажи: «Касательно портерных в Москве лавочек, в оных, ежели бывший содержатель Селивановский к продаже портера и на манер английского пива и полпива на том же основании...»¹⁰². Сохранились контракты на продажу пива по отдельным питейным домам Москвы и уезда, заключённые в ноябре и декабре 1813 г., в феврале, марте и мае 1814 г.¹⁰³ (со стороны государства они курировались инспектором казённых питейных сборов Строевым). Так, 14 октября 1813 г. был заключён контракт на продажу пива «до истечения четырёхлетнего настоящего питейного откупа, то есть до первого генваря 1815 г.»¹⁰⁴. В любом контракте обязательно указывался питейный дом, называлась сумма откупа и гарантировалось качество продаваемой продукции: «Обязуюсь я продавать пиво и мед... тако же и портер на манер аглицкого в питейном доме, называемом Бережки... За содержание продажи пред сим... платить в казну за всё время 5500 руб., расчислить взнос оной суммы в конторы питейных сборов с 15 октября помесячно... пред наступлением каждого месяца... Обязуюсь... изготовлять из лучшего хлеба и припасов, равно в доброту и крепости...»¹⁰⁵. В ноябре 1813 г. наиболее крупные откупные суммы значатся в контрактах следующих московских купцов: М.Г. Попов и Н.Г. Верещагин, которые по откупку платили 105 тыс. в год, 8 750 руб. в месяц; В. Смирнов (продажа у Серпуховских и Калужских ворот, 25 тыс. руб. в год, 2 083 руб. в месяц)¹⁰⁶; А. Щекин (Лубянка и др., 17 500 руб. в год, 1 458 руб. 34 коп. в месяц)¹⁰⁷; М. Бобков (Тверские и др., 15 500 руб. в год, 1 291 руб. в месяц)¹⁰⁸. Значительно меньшие суммы откупов на продажу пива были по уезду, в этих откупах участвовали цеховые и крестьяне: крестьяне Н. Мельников и К. Иванов (Кожухово, Люберцы, Выхино, Теплый стан, 1 600 руб. в год, 133 руб.

34 коп. в месяц), цеховой Ф. Ершов (Большие Мытищи, Тарасовка, 400 руб. в год, 33 руб. 34 коп. в месяц)¹⁰⁹. Примечательно, что контракты на пивные откупа, заключённые в ноябре – декабре 1813 г., предусматривали меньшие суммы и охватывали новые районы Москвы (М. Бобков (Новая слобода, Красные ворота, Разгуляй, 10 тыс. руб. в год, 233 руб. 33 ½ коп. в месяц))¹¹⁰. В декабре 1813 г. по уезду откупа взяли только два человека на незначительные суммы¹¹¹. Недоимки существовали и по пивным откупам. 19 октября 1814 г. управляющий в Москве и уезде казёнными питейными сборами в рапорте Московской казённой палате указал неисправных содержателей (Козьма Егоров), назвал имена новых откупщиков и отметил питейные дома, через которые должна производиться продажа пива¹¹².

Наибольшие поступления в казну шли по статье «с пива, оптом продаваемого с пивоварен». В 1813 г. по этой статье поступило 77 440 руб. 12 ½ коп., в недоимке – 180 руб.¹¹³, а на 1814 г. – 72 201 руб. 50 коп., в недоимке – 180 руб.¹¹⁴

Значительным источником пополнения казны с конца XVIII в. был соляной доход (7,1 % поступлений в казну)¹¹⁵. Новым в этот период стало разрешение продавать соль всем сословиям, даже крестьянам (20 мая 1812 г. в Московской казённой палате отмечалось, что по манифесту 5 ноября 1811 г. открылась по всей территории империи вольная продажа соли)¹¹⁶. Для Москвы в 1812 г. это означало возобновление продажи пермской соли. Цены на соль были твёрдые, согласно представленной Д.А. Гурьевым 17 января 1812 г. на заседании Сената «Росписи о ценах на продажу соли от казны по губерниям...»¹¹⁷. О количестве соли, привезённой в Москву, сохранились лишь отдельные отрывочные сведения. Так, в казённую палату был направлен 19 июля 1812 г. рапорт московского соляного пристава Огаркова, в котором указывалось, что 12 июля 1812 г. «привезено водой вольным продавцом московским купцом Вострековым на четырёх барках пермской соли примерно полагаю до 20 тыс. пудов, которая им уже и в продажу производится с барок, остановившихся против Московского воспитательного дома»¹¹⁸. Из Московской казённой палаты направили предписание управе благочиния «о необходимости подачи рапортов обо всех случаях вольной продажи соли»¹¹⁹.

После освобождения Москвы стали подсчитывать убытки, в частности, 16 декабря 1812 г. в Московскую казённую палату посту-

пило донесение, в котором говорилось о подсчёте наличной соли¹²⁰. 31 января 1813 г. пришли сведения от экспедиции по части соляной, в которых сообщалось, что «пред вступлением в Москву неприятеля к сентябрю месяцу 1812 г. в казённых соляных магазинах налицо соли состояло 747 365 пуд. 4 ф.»¹²¹, количество же соли после ухода французов невозможно уточнить¹²² (хотя сохранилась «Ведомость о состоящей сего июля к 9 числу на народное продовольствие наличной пермской соли (остаточных от 1812 к 1813 году)» с отрывочными сведениями о местонахождении соли по Московской губернии)¹²³. Сразу же стали требоваться дополнительные средства для восстановления казённых соляных магазинов¹²⁴. В 1813 г. старались наладить учёт частной соляной продажи, отмечая, где и в каком количестве эта соль продаётся¹²⁵. 13 октября 1813 г. был направлен рапорт, в котором сообщалось, что в Москву привезена соль московским купцом И. Вострековым и рязанским купеческим сыном. Всего 5 тыс. пуд. и 7200 пудов соответственно¹²⁶.

В брошюре Р. Введенского с весьма спорными выводами об убыточности поставок соли как для казны, так и для соляных откупщиков до 1811 г., приведены данные о поступлении на внутренний рынок казённой и иностранной соли¹²⁷ (см. табл. 2).

Таблица 2

**Поступление казенной и иностранной соли
на внутренний рынок России**

Год	Продажа соли от казны, пуд.	Привезено иностранной соли, пуд.	Всего, пуд.	В расчёте на одного человека, фунт.
1811	18 049 819	883 244	18 933 063	17,3
1815	16 122 249	3 195 088	19 317 337	17,1

Существенными были и поставки казне соли пермскими солепромышленниками. Так, в 1812 г. ими было поставлено 4,7 млн пуд. соли, а в 1815–1824 гг. – 5,6 млн пуд.¹²⁸ Как следует из материалов ОПИ ГИМа, частная соледобыча и сдача соли в казённые нижегородские магазины была делом выгодным для крупных пермских солепромышленников (Строгановых, Голицыных, Шаховских и др.)¹²⁹.

Примечательно, что соляной доход в 1813–1814 гг. оказался большим, чем предполагалось, планировалось «от распродажи по госу-

дарству соли, включая тут откупные с уральского войска за право, предоставленное им брать с озёр соль для соления рыбы» получить 16 507 203 руб. 82 ½ коп.¹³⁰ в 1813 г. и 15 686 703 руб. 82 ½ коп.¹³¹ в 1814 г. Фактически же по этой статье в 1813 г. было получено 17 653 109 руб. 28 ¼ коп., в недоимке осталось 5 377 руб.¹³², а в 1814 г. – 19 620 154 руб. 20 ¾ коп., недоимка – 75 110 руб. 95 коп.¹³³

Развитие внутреннего рынка, участие в подрядах, торговля в других городах и на ярмарках увеличила потребность купечества, крестьянства и в определённой мере цеховых в плакатных паспортах. Исследователи обращали внимание на увеличение паспортного сбора в результате реформ М. Сперанского, отмечая при этом, что «увеличения... были на этот раз направлены не на массового, а на самого состоятельного плательщика – купечество»¹³⁴. За выдачу паспортов в 1813 г. было получено 3 277 704 руб. 80 ½ коп. (в недоимке 2 449 руб. 79 ¼ коп.)¹³⁵, в 1814 г. эта сумма возросла до 3 668 108 руб. 30 ½ коп. (в недоимке 1 589 руб. 79 ¼ коп.)¹³⁶. Интересно, что плакатные паспорта помогали скрыться и мошенникам-крестьянам, занимавшимся предпринимательством. Так, киевский купец К. Колычев обвинял исчезнувшего экономического крестьянина В. Щербакова, не поставившего для типографии Каменец-Подольска¹³⁷ товаров на крупную сумму¹³⁸.

Оставляя в стороне вопрос о таможенных пошлинах, требующий отдельного исследования, остановимся на налоге на недвижимость, который выплачивали и предприниматели. Согласно указу, подписанному Александром I 27 февраля 1812 г., «все доходы, с какого бы недвижимого имущества не поступали и какого бы звания и состояния владельцу не принадлежали, подвергаются установленному сбору... Все дома, доход приносящие, должны входить в число тех статей, с коих постановляется взимать учреждённую с владельцев доходов пошлину»¹³⁹. 18 апреля 1812 г. при взыскании недоимок со столичной недвижимости, «полупроцентный сбор с домов в столицах взимаемый в пользу казны и городов без различия, подвести под правила, в Манифесте постановленные, разделяя впрочем взыскиваемую пеню поровну между городскими думами и казёнными палатами»¹⁴⁰. Вскоре сбор «с домов» возрос до 2% и часто имел целевое использование. Скажем, в списке пожертвований на Санкт-Петербургское ополчение «от разных мест и лиц» с 25 июня по 21 ноября 1812 г. значился 2%-й сбор с домов – 275 406 руб. 25 коп., недоплачено 430 213 руб. 71 коп.¹⁴¹.

Одной из главных причин больших недоимок практически по всем позициям сборов и пошлин было массовое разорение предпринимателей в годы войны. Так, 28 октября 1815 г. были «препро-вождены 6 именных списков московским... купцам, мещанам и цеховым, а равно и крестьянам, имеющим право торговли, долж-ствующим получить от Комиссии для вспоможения разорённым от неприятеля в пособие 10 771 650 руб.»¹⁴².

Таким образом, несмотря на небольшой удельный вес предпринимателей среди населения Российской империи, что сказывалось при сборе прямых налогов (сумма налогов с предпринимателей, основное место среди которых занимали купцы, на порядок уступала сумме подушных податей с крестьянства), но откупные сборы и другие косвенные нало-ги сделали это сословие одним из основных налогоплательщиков, что было важно при формировании бюджета 1812–1814 гг. Однако массовые недоимки по всем видам выплачиваемых предпринимателями налогов (кроме соляного), уход от налогообложения (легально – за счет осво-бождения торгующих крестьян от налогов и нелегально – через кри-минальный бизнес) получил широкое распространение в этот период. Положительным моментом оставалась значительная дифференциация при сборе прямых и косвенных налогов, максимальные налоги платили купцы 1-й гильдии (имея наибольший капитал, могли заниматься лю-бой предпринимательской деятельностью, в том числе и наиболее до-ходной зарубежной торговлей, откупами на крупные суммы, промыш-ленными предприятиями, торговлей, чаще всего имевшие столичную недвижимость), а наименьшие – торгующие крестьяне.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Казённые предприятия доминировали в военной сфере, значительная их часть находилась в горной промышленности (в ведении Министерства финансов), пищевой, известен ряд крупных текстильных предприятий, в частности Павловская и Екатеринославская суконные фабрики и Александровская бумагопрядильная мануфактура, императорские фарфоровый и стеклянный заводы, казённая Лосиная фабрика и др.

² См.: Сборник исторических материалов, извлечённых из архива собственной Его Императорского Величества канцелярии / Под ред. Н. Дубровина. СПб., 1893. Вып. 6. С. 281, 286, 290.

³ См.: Сафонов М.М. Проблема реформ в правительственной политике России на рубеже XVIII и XIX вв. Л., 1988. С. 27. Это не совсем так. Все рабочие казённых предприятий «наряду с прочими обывателями платят казённые подати и за рекрут 500 руб.» (ПСЗРИ. № 23840). По манифесту

от 5 ноября 1811 г. разрешалось вносить «вместо поставки рекрута натурою по 2 тыс. руб.» (ПСЗРИ. № 24852). Привилегия по рекрутскому набору была распространена как на государственные, так и на частные хорошо налаженные производства даже в период зарубежных походов русской армии. Так, 10 декабря 1813 г. вышел именной указ «О предоставлении Киевской фаянсовой фабрике выполнять рекрутскую повинность в случае недостатка людей взносом 500 руб. за каждого рекрута». Произошло и списание «числящейся на сей фабрике по прежним рекрутским наборам недоимки, 15 чел. состоящую, по совершенной невозможности ко взысканию оной» (См.: ПСЗРИ. № 25495). А с уральских демидовских заводов в 1812–1813 гг. заплачено деньгами за 70 человек по 500 руб. за каждого (всего 35 тыс. руб.) (*Кафенгауз Б.Б.* Война 1812 г. и её влияние на социально-экономическую жизнь России (по материалам предприятий Н. Демидова) // *Вопр. истории.* 1962. № 7. С. 75–76).

⁴ Так, в июле 1811 г. рассматривалось дело о хищении администрацией хлеба, предназначавшегося для продовольствия мастеровых и крестьян Екатеринославской суконной фабрики. В сенатском указе, направленном московскому гражданскому губернатору Н.В. Обрескову, отмечалось: «...с бывшего директора фабрики Липранди следует ко взысканию за муку 10 четвертей 5 гар[н]цев 225 пуд. 15 ½ фунтов... за крупу 2 четверти 3 че. 6 гар[н]цев... – 24 руб. 68 ¾ коп. Всего денег 242 руб. 74 коп. Да особо с бывшего помощника директорского Шпигельберга за муку 65 пудов 6 ½ фунтов... за крупу 1 четв... всего 57 руб. 74 ¾ коп.» (Центр Хранения данных до 1917 г. Ф. 17. Оп. 1. Д. 8. Л. 1). Розыск Липранди и Шпигельберга в Московской губернии, как ранее и в Санкт-Петербургской, не дал результатов (рапорты об отсутствии беглецов: из Маслинского земского суда поступил 24 июля 1811 г., из Коломенского земского суда – 27 июля, из Бронницкого земского суда, от Можайского городничего, из Серпуховского земского суда – 28 июля 1811 г.) (Там же. Л. 4, 5, 6–8).

⁵ Уже в проекте министерского устава говорилось: «В Министерствах, кои, по роду вверенных им дел, имеют некоторое отношение к ссудной или тяжёлой части, назначаются для сего особенные установления; так, например, в... Министерстве финансов, для надзора по делам тяжёлым, казённым, учреждается Комиссия тяжёлых казённых дел» (Проект министерского устава: Россия: Законы и постановления. СПб., 1810. Ч. 1. С. 13).

⁶ Так, в августе 1813 г. гжатские купцы были оштрафованы на 682 818 руб. за недопоставку в 1809 г. в петербургские и финляндские магазины. (*Носова Г.В.* «Недостаток в армиях денег...»: Особенности финансирования российского бюджета в 1813–1814 годах // *Родина.* 2013. № 11. С. 70).

⁷ Однако в основном из-за роста местных налогов «из городов в кон. XVIII – первой трети XIX в. уходили не только постоянно живущие в них крестьяне, но в ещё большей степени мещане и купцы. Представители этих городских сословий перебрались на постоянное житьё в сельскую местность, оставаясь приписанными к городам для занятия преимущественно торгово-промышленной деятельностью (заводы, фабрики, постоянные дворы, кабаки, торговля и т. д.). В 1796 г. около 25% посадского населения проживало в деревне...» (*Носова Г.В.* К вопросу об основных доходных статьях государственного бюджета в 1802–1807 гг. // *Эпоха 1812 года: Исследования. Источники.*

Историография: Сб. материалов. М., 2013. Труды ГИМ. Т. XI. С. 161).

⁸ *Водарский Я.Е.* Население России за 400 лет (XVI – начало XX в.). М., 1973. С. 56.

⁹ Дворянам, «не состоящим в Нашей военной и гражданской службе» была предоставлена возможность записаться в 1-ю или 2-ю купеческие гильдии, «платить с капитала положенную подать и нести городские повинности и тягости личные и вещественные» (РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1414. Л. 26). Фактически этот указ давал дворянам возможность заниматься торговлей, так как право заводить мануфактуры у них уже было.

¹⁰ *Миронов Б.Н.* Русский город в 1740–1860-е годы: демограф., социальное и экон. развитие. Л., 1990. С. 164.

¹¹ См.: *Рожкова М.К.* Сельское хозяйство и положение крестьянства // Очерки экономической истории России первой половины XIX в.: Сб. статей / Под ред. М.К. Рожковой. М., 1959. С. 7, 8, 9, 247–248.

¹² *Морозан В.В.* История сберегательных касс в императорской России. СПб., 2007. С. 16.

¹³ Журналы Комитета министров: Царствование Александра I. СПб., 1888. Т. 1. С. 61. Однако некоторые исследователи указывали на неполноту цифр по промышленности: «В них крупные промышленные предприятия... не отделяются от произвольно учтённого сверх того количества мелких или мельчайших заведений, включая и кустарей-одинок. К тому же полнота учёта мелких предприятий, а тем самым и их удельный вес сильно колебались в разные годы и по различным промышленным производствам» (*Нифонтов А.С.* Задачи изучения «промышленного переворота» в России // Из истории экономической и общественной жизни России: Сб. статей к 90-летию академика А.М. Дружинина. М., 1976. С. 148). Хотя нет оснований делать вывод о «фиктивности» этих данных. Однако вызывают сомнения и заниженные данные за 1810 г., приведённые Г. Наумовой. Она выделила 12 основных отраслей: обработка хлопка – 6 заводов; обработка зерна – 8; обработка шёлка – 1; обработка льна, пеньки и джута – 12; производство смешанных материалов (тюль, ленты, шляпы, пуговицы, куклы, химчистки, прачечные и пр.) – 2; бумажное и полиграфическое производство – 20; механическая обработка дерева – 4; обработка металлов, производство машин, аппаратов и орудий ремесла – 14; обработка минеральных веществ – 22; обработка животных продуктов – 20; обработка питательных веществ – 29; химическое производство – 2 (*Наумова Г.Р.* Русская фабрика. М., 1998. С. 59–60).

¹⁴ Отмечены следующие заводы: 25 салотопенных (прибыль от 5 до 8%), кожевенный (прибыль до 10%), два маслобойных (прибыль – от 8 до 12%), мыловаренный (прибыль от 10 до 12%), два пивоваренных (прибыль от 8 до 10%), солодовенный (прибыль до 11%), три медных (прибыль от 9 до 15%) (См.: Материалы для истории и статистики Орловской губернии: Собраны секретарем Орлов. губ. стат. ком. А. Пупаревым. Орёл, 1877. Т. 1. С. 52–54). Примечательно, что владелец медных заводов С. Маркин был предан суду, так как отказался давать сведения о своих оборотах (Там же. С. 53).

¹⁵ Ведомость о мануфактурах в России за 1813 и 1814 годы. СПб., 1816. С. 457.

¹⁶ *Мигулин П.П.* Экономический рост Российского государства за 300 лет. М., 2012. С. 89.

¹⁷ В качестве примера называли и Ярославскую большую льняную мануфактуру, на которой прекратились в это время и рабочие выступления «под влиянием начавшихся... войн... в эти 11 лет... их положение... улучшилось в очень значительной степени» (*Грязнов А.Ф.* Ярославская большая мануфактура за время с 1722 по 1856 г. М., 1910. С. 253).

¹⁸ 10 октября 1802 г. Феодосия получила статус уездного и портового города новой Таврической губернии (*Евсеев А.А.* В составе Российской империи // Феодосия: Сб. статей. Симферополь; Феодосия, 2008. С. 47).

¹⁹ Там же. С. 47.

²⁰ Там же. С. 49. Данные приведены за 1802 г.

²¹ *Долгих А.Н.* Крестьянский вопрос во внутренней политике российского самодержавия в конце XVIII – первой четверти XIX вв. Липецк, 2006. С. 250-251.

²² Материалы для истории московского купечества: Обществ. приговоры. М., 1892. Т. II. С. 3.

²³ Там же. С. 3.

²⁴ Там же. С. 3. Так, 11 февраля 1813 г. рассматривались полученные из Московского губернского правления и Московской казённой палаты указы, имевшие датировку с февраля по июль 1812 г., на основании прошений крестьян Калужской губернии Малоарославецкого уезда экономической Овчининской волости д. Гарнечной (Н. Гаврилов), Подольской округи экономической Добрянской волости с. Карпова... Ко времени рассмотрения этого вопроса в градском обществе были получены по каждой кандидатуре удостоверения за подписями московских купцов, что они занимаются свойственными купечеству промыслами, а также «в обеспечение платежа по обоим состояниям государственной подати во внесённых ими Императорского воспитательного дома от первых четырёх крестьян по 1 200, а от последнего 1 250 руб. из сохранной казны билеты» (Там же. С. 3). Продолжались такие приемы в московское купечество и впоследствии. Скажем, 18 января 1815 г. были приняты экономические крестьяне «здешней губернии... Марфинской волости с. Дегунина крестьянина П. Авдеева с женой и детьми, Ярославской губернии Мышкинского уезда экономической Подгорной волости д. Шубина крестьянина П. Константинова с женой и детьми, Рязанской губернии Зарайской округи экономического ведомства д. Титовой крестьянина Д. Алексеева с детьми... Подольской округи Коннозаводской Домодедовской волости с. Домодедова крестьянина Иванова с женой и детьми...» (Там же. С. 48).

²⁵ Материалы для истории московского купечества. С. 2–3.

²⁶ Там же. С. 3–4. Исследователи отмечали, что «в Петербурге и Москве сосредотачивалась третья часть всего количества печатных заведений России... для частных типографий удельный вес этих городов поднимался ещё выше – до половины общего числа данных заведений» (*Горшков Ю.А.* Экономическая модернизация книжного дела в России XVIII – первой половины XIX в. М., 2009. С. 134).

²⁷ Там же. С. 15.

²⁸ Там же. С. 20.

²⁹ До Отечественной войны 1812 года Калуга была крупным торговым и промышленным центром: «Заводов и фабрик в 1785 г. насчитывалось... око-

ло 120. Больше всего было маслобойных заводов, которых насчитывалось 34. Наиболее крупными были парусные, где на 3-х фабриках работало более 1 тыс. чел., и сахарный завод, выпускавший около 5 тыс. пудов сахара в год. Стоит отметить наличие 11 кирпичных заводов и 10 изразцовых заводов... Развита была ткачество, трепанье пеньки, чесанье пакли, выделка веревок. Процветали художественные ремесла: резьба по дереву, домашнее ткачество, золотошвейное мастерство и плетение кружев» (Фехнер М.В. Калуга. М., 1961. С. 28). Купцы, как упоминается в описаниях 1782, 1785 и 1804 гг., «торг имеют разными шёлковыми, шерстяными и прочими товарами», не в одном г. Калуге, но и в других закупают пеньку, масло, мёд, воск, юфть, которые отправляются к Санкт-Петербургскому, Рижскому и Архангельскому портам (Там же. С. 27). Велась также обширная торговля с Москвой, Петербургом, Украиной, Сибирью, а также с Польшей и немецкими городами, из которых ввозились «разные товары шерстяные, шёлковые, бумажные и нитяные, галантерейные вещи, фарфоровую посуду и жемчуг (что было затруднительно после принятия протекционистского тарифа 1811 г. – Г.Н.). В Польшу преимущественно вывозились китайский чай, сахар, перец, бадьян, сырой имбирь, а также квасцы, холст и пушные товары» (Там же. С. 27–28).

³⁰ См.: *Игнатченко В.И.* От Калуги ремесленной к Калуге предпринимательской // Калуга в шести веках: Материалы 2-ой город. краевед. конф. Калуга, 1999. С. 78.

³¹ См.: Материалы для истории московского купечества. С. 23, 31, 58.

³² Там же. С. 31. Манифест от 1 января 1807 г. запретил иностранным купцам вступать в гильдии, понизив их статус. Среди прав иностранного гостя следует выделить возможность иметь в собственности дома для жительства в городе и за городом, но иностранные промышленники имели ряд преимуществ. Они могут приобретать фабрики и «продавать оптом по городам, а также при фабрике и мануфактуре свои изделия, высылать оные за границу за свой или других счёт» (РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1414. Л. 26, 27об.–28).

³³ В знаменитом письме московских фабрикантов от 19 декабря 1812 г. с просьбой защитить отечественную промышленность от импортных товаров, адресованном московскому главнокомандующему графу Ф.В. Ростопчину, назывались функционирующие промышленные предприятия: «... фабрик и сахарных заводов не в одной Москве, а довольно количество и в других губерниях, которые ещё милостью Божию в целости и существуют в Ярославской и Вологодской губерниях; в одном селе Иванове до 100 фабрик; даже есть такие г. Грачёва и г. Ямановского, которые вырабатывают слишком по миллиону рублей... сверх того довольно фабрик в Юрьеве-Польском, и в Шуе, и окрестностях оных; следовательно, недостатку ни в чём быть не может...» (ЦХД до 1917 г. Ф. 16. Оп. 3. Д. 2932. Л. 1об.). Уточнялось, что и в Москве уцелели некоторые фабрики: «...но и в столице же главные фабрики и сахарные заводы от истребления неприятельского спаслись, как-то: Гр. Черокова и братьев фабрика и сахарный завод, Пантелеева в д. фабрика, Александрова фабрика, Грачёва фабрика, Быковского одна фабрика, Титова фабрика, Ипатова фабрика, Резанова фабрика, Кательникова, Жукова и прочих средних и мелочных; завод сахарный Карзинкина со товарищи; то же Шестова, тож Попова в деревне, тож Ливенцова в Туле,

в Санкт-Петербурге, Архангельске, Вологде, Ревеле, Риге... 20 деревень в с. Гребневе до тысячи станов работают» (Там же. Л. 2). Причём фабриканты подчёркивали, что либерализм во внешнеторговых правилах, от которого ожидают повышения наших вексельных курсов и понижения цен на импортируемые товары, едва только заговорили об изменении правил внешней торговли, привёл к обратным результатам: «... тот час стали курсы унижать и от сентября месяца по сию пору уже унизили около 50% и по курсу свои товары в ценах возвысили... в сентябре был сахарный песок по 22 руб. за пуд, а теперь продают по 40 руб. Пряденная бумага в сентябре была по 80 руб. за пуд, а теперь до 130 руб. за пуд» (Там же. С. 3).

³⁴ В Московской казённой палате зафиксированы промышленники как лица, обязанные проследить за набором рекрутов с их предприятий. Среди них директор казённой шляпной фабрики Е.И. Лисовский, князь А.Д. Голицын, княгиня А.Л. Шаховская, коллежский советник И.Я. Яковлев, купеческие жены Е. Кательникова, З.А. Лапачевская (ЦХД до 1917 г. Ф. 51. Оп. 2. Д. 236. Л. 20, 38об., 41об., 42, 98, 101об.). Хотя списки эти неполные. Существовал ещё и реестр, в котором названы фамилии владельцев, число работников, а также иногда тип текстильного предприятия: шёлковая фабрика (например, купцов Колосовых), полотняная фабрика (например, 1-й гильдии купца Ф. П. Пантелеева), а также многочисленные суконные мануфактуры и ситцевые фабрики; другие производства не обозначены). Среди текстильных производств были и крупные (генерала и кавалера князя Ю. В. Долгорукова – 197 человек, генерал-лейтенанта и кавалера П.С. Барятинского – 98 человек, московского 1-й гильдии купца и фабриканта А.Д. Грисова при ситцевой фабрике – 392 человек, московского первостатейного купца, коммерции советника и кавалера Г.А. Кирьякова и купца Д.С. Насонова – 76 человек (См.: ЦХД до 1917 г. Ф. 51. Оп. 2. Д. 236. Л. 103об.–104об.).

³⁵ Сын Отечества. 1814. № 39. С. 36.

³⁶ См. подр.: *Носова Г.В.* К вопросу о роли прямого налогообложения в системе государственных доходов в 1812–1814 гг. // Финансы. 2013. № 3. С. 71–72.

³⁷ Материалы для истории московского купечества. С. 18.

³⁸ Там же. С. 24.

³⁹ Там же. С. 39.

⁴⁰ Там же. С. 31.

⁴¹ Там же. С. 46.

⁴² Так, 21 ноября 1813 г. сообщалось управляющему Военным министерством князю Горчакову: «...6-го класса Львова, смотрителя магазинов 9 класса Турчанинова и 12 класса Воронежского за противозаконные их действия по выдуманной закупке провианта и фуража, похищение выведенной ими в расход суммы 80 тыс. руб. и несправедливые же при следствии показания, а московского купца А. Павлова за содействие им в похищении казённого интереса, наказать по всей строгости закона» (Труды московского отдела Императорского русского военно-исторического общества: Журн. исходящим бумагам воен. канцелярии главнокомандующего в Москве графа Ф.В. Ростопчина и журнал донесений Его Величеству 1813 г. / Под ред. В.П. Федорова. М., 1913. Т. III. С. 499).

⁴³ Согласно указу, «надлежит руководствоваться точным содержанием тех правил, какие постановлены в указе 754 г. мая 13, изъемя телесное наказание для купцов первых двух гильдий, но подвергая их в сём случае разному взысканию с помещиками» (ПСЗРИ. № 25478).

⁴⁴ ПСЗРИ. № 22678. Подчёркивалось, что «сию меру устанавливаем для всех купцов, в гильдии на основании Нашего Манифеста записывающихся, не изъемя из того также евреев тех губерниях, где торг и водворение им позволено...» (Там же).

⁴⁵ Сб. РИО. СПб., 1885. Т. 45. С. 472.

⁴⁶ В указе отмечалось: «...манифестом 1 января 1807 г. накладочные с купеческих капиталов четверть процента уступлены городам для составления капитала, который и повелено хранить особою суммою впредь до дальнейшего распоряжения. Впоследствии времени деньги сии определено вносить в местные приказы общественного призрения для приращения процентами и дозволено раздавать в ссуду купечеству под залоги или поручительство» (ПСЗРИ. № 25304).

⁴⁷ РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2448. Л. 173.

⁴⁸ Там же. Л. 173.

⁴⁹ Сб. РИО. Т. 45. С. 472.

⁵⁰ Носова Г.В. Об особенностях внутренней торговли России в 1812–1815 гг. // 1812 год: Люди и события великой эпохи: Материалы Междунар. конф. Москва, 21–22 апреля 2011 г. М., 2011. С. 179.

⁵¹ ПСЗРИ. № 25314. «Москва и Можайск выжжены и разграблены. Жители сих городов почти не имеют пристанища и доселе большей частью не собрались ещё; в Верее лучшая часть города, имевшая более 600 домов, от неприятеля выжжена, а прочая разграблена. Руза, Звенигород, Подольск, Бронницы, Богородск, Волоколамск и Дмитров частью также выжжены... и разграблены» (Носова Г.В. «Недостаток в армиях денег...». С. 68–69).

⁵² ЦХД до 1917 г. Ф. 17. Оп. 1. Д. 132. Л. 1.

⁵³ Там же. Л. 1.

⁵⁴ ПСЗРИ. № 16 188.

⁵⁵ Ф. Ростопчин 1 февраля 1813 г. писал петербургскому военному губернатору Вязмитинову: «...живущие в Москве портные за шитьё скроенных шинели и мундира с панталонами и галстуком с собственными нитками и деревяшками самую последнюю цену полагают по 5 руб. за кройку, особенно по 18 коп. с каждой пары, каковая цена по мнению моему не убыточна для казны и безобидна для портных» (Труды московского отдела Императорского русского военно-исторического общества. С. 45).

⁵⁶ Так, в списке за октябрь 1817 г. на получение денежного пособия от «Комиссии, учрежденной по Высочайшему указу в 30 день августа минувшего 1816 г., под председательством тайного советника Дмитриева» значились: Рязанцев Федот (цеховой) с женой (100 руб.), Медведев Иван (цеховой) с женой и малолетним сыном (75 руб.), Выдрин (цеховой) с женой и тремя малолетними детьми (75 руб...) (ЦХД до 1917 г. Ф. 16. Оп. 5. Д. 7. Л. 410, 411об.). Примечательно, что в этом же списке, в котором 90% составляли мещане и цеховые и их вдовы, получавшие помощь от 25 до 100 руб., под № 143 значится княгиня Голицына, потерявшая зрение (600 руб.) (Там же. Л. 412об.).

⁵⁷ ЦХД до 1917 г. Ф. 17. Оп. 1. Д. 136. Л. 1. (Эти документы впервые вводятся в научный оборот.)

⁵⁸ Там же. Л. 1.

⁵⁹ Там же. Л. 3–3об.

⁶⁰ Там же. Л. 3об.

⁶¹ ПСЗРИ. № 24116.

⁶² *Энгман М.* Финляндцы в Петербурге. СПб., 2008. С. 29.

⁶³ Сб. РИО. СПб., 1885. Т. 45. С. 219.

⁶⁴ Там же. С. 230.

⁶⁵ Там же. С. 473.

⁶⁶ В упоминаемом списке на получение помощи разорённым были и иностранцы, скажем, Бернардони Е. (цеховая) с мужем и малолетней дочерью (125 руб.) (ЦХД до 1917 г. Ф. 16. Оп. 5. Д. 7. Л. 411).

⁶⁷ *Кафенгауз Б.Б.* Указ. соч. С. 69–70.

⁶⁸ РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2448. Л. 56. Натуральные же подати остались неизменными: «Но десятина с выплавляемой меди по 10 пудов со 100 с заводов, не имеющих пособия, и по 15 пуд. со 100 с заводов, имеющих пособие от казны, не должна быть удвоена, так как она не составляет денежной пошлины и как удвоение сие могло быть слишком обременительно для заводчиков... равным образом не удвоить и той пошлины, которая взимается с минералов за 10 пудов деньгами по справочным ценам, ибо деньги сии взимаются вместо минералов в натуре» (Там же. Л. 56).

⁶⁹ Так, «потери от московского пожара составили в московских демидовских домах 523, 3 тыс. руб.» (*Кафенгауз Б.Б.* Указ. соч. С. 77).

⁷⁰ ПСЗРИ. № 25301. 24 июля 1813 г. вышел сенатский указ «О сроках для платежа горных податей». 5 августа указ был зарегистрирован в Инспекторском департаменте (РГВИА. Ф. 1 Оп. 1. Д. 2867. Л. 1).

⁷¹ Условия винных откупов с 1811 по 1815 г. были разработаны Ф. Голубцовым (именной указ от 20 ноября 1809 г.). Увеличивалась цена вина до 6 руб. за ведро. Цена закладываемых в качестве залогов недвижимых дворянских имений в деревнях, которые принимались по откупам, увеличилась «вдвое противу цены, для займа из Вспомогательного Банка определённой». От купечества брались в залог застрахованные дома в столицах по прежним правилам, т.е. в три четверти против оценки. Новым было то, что откупщики в случае неисправности отвечали только залогами, принимаемыми в половину против годового количества откупной суммы, а прочее имение откупщиков, в чём бы оно не состояло, должно быть неприкосновенно (ПСЗРИ. № 23 995).

⁷² В финансовых планах и отчётах присутствовали следующие рубрики: «питейных откупных с губерний, где действует винный устав» и «питейных по губерниям, на особом правиле собираемых», а также «с казённых земель, мельниц и других статей, в оброке состоящих, включая тут и откупные статьи по Грузии»). Однако при этом следует учитывать наличие казённых винокуренных заводов, приносивших доход (это рубрики «истинных за вино, казною для откупщиков заготовляемое», совсем небольшие поступления по статье «прибыльных на вино, на казённых заводах выкуриваемом» и «арендных с Эртарского и Падунского казённых винокуренных заводов»).

⁷³ ПСЗРИ. № 25115.

⁷⁴ ЦХД до 1917 г. Ф. 51. Оп. 3. Д. 73. Л. 2об.

⁷⁵ См.: Там же. Л. 4.

⁷⁶ Там же. Л. 1.

⁷⁷ Там же. Л. 1.

⁷⁸ Там же. Л. 2–2об.

⁷⁹ Перетц, опасаясь конкуренции, решил немедленно принять откупа, так как «по полученным им из Москвы известиям имеется там достаточное на первый случай количество вина, в наличности оставшаяся часть посуды и прочих к откупку принадлежностей, также находятся комиссионеры, поверенные, служители и прочие к откупку люди, контрактами обязанные» (ЦХД. до 1917 г. Ф. 51. Оп. 3. Д. 73. Л. 2об.).

⁸⁰ ЦХД до 1917 г. Ф. 51. Оп. 3. Д. 51. Л. 33.

⁸¹ Там же. Л. 34.

⁸² Там же. Л. 72.

⁸³ Там же. Л. 92.

⁸⁴ См.: *Носова Г.В.* К вопросу о роли прямого налогообложения в системе государственных доходов в 1812–1814 гг. С. 69.

⁸⁵ В частности, В.И. Штейнгель писал, что «в 1814 г. правительство убедило откупщиков винных, при главном посредстве Гурьева и Пестеля, сделать весьма важную наддачу. Естественным сего следствием была несостоятельность, и они разорены вконец, особенно Злобин, оказавший многие отечеству услуги, и Перетц» (Записки барона В.И. Штейнгеля // *Общественные движения в России в первой половине XIX в.* / Сост. В.И. Семевский, В. Богучарский, П.Е. Щеголев. СПб., 1905. Т. 1. С. 478).

⁸⁶ ПСЗРИ. СПб., 1830. Т. 32. № 25358. С. 548.

⁸⁷ ЦХД до 1917 г. Ф. 51. Оп. 3. Д. 73. Л. 43.

⁸⁸ Там же. Л. 44.

⁸⁹ ПСЗРИ. № 25493.

⁹⁰ Сб. РИО. Т. 45. С. 220.

⁹¹ Там же. С. 231.

⁹² Там же. С. 220.

⁹³ Там же. С. 232.

⁹⁴ Там же. С. 220, 232.

⁹⁵ По «питейному доходу» проходили и рубрики со сравнительно небольшими доходами: «с казённых земель, мельниц и других статей, в оброке состоящих, включая тут и откупные статьи по Грузии» значилось на 1813 г. – 1 295 711 руб. 69 ½ коп. (Сб. РИО. Т. 45. С. 220), а на 1814 г. – 1 602 800 руб. (Там же. С. 231). Довольно незначительные поступления ожидалось по статье «прибыльных на вино, на казённых заводах выкуриваемом» – 370 022 руб. 24 коп. (Там же. С. 220). По 5 тыс. руб. планировалось получить в 1813 и 1814 гг. «арендных с Эртарского и Падунского казённых винокуренных заводов» (Там же. С. 220, 231).

⁹⁶ Сб. РИО. Т. 45. С. 475.

⁹⁷ Там же. С. 484.

⁹⁸ Там же. С. 476.

⁹⁹ Там же. С. 485.

¹⁰⁰ Там же. С. 476.

¹⁰¹ Там же. С. 485.

¹⁰² ЦХД. до 1917 г. Ф. 51. Оп. 3. Д. 73. Л. 3об.

¹⁰³ Документы, касающиеся пивных контрактов, впервые вводятся в научный оборот.

¹⁰⁴ ЦХД до 1917 г. Ф. 51. Оп. 3. Д. 102. Л. 21.

¹⁰⁵ Там же. Л. 21.

¹⁰⁶ Там же. Л. 3.

¹⁰⁷ Там же. Л. 3об.

¹⁰⁸ Там же. Л. 5.

¹⁰⁹ Там же. Л. 5об.

¹¹⁰ Там же. Л. 6об.

¹¹¹ А. Зобов (Лихоборы, Тушино, Хлебниково, Чернево, Павшино и др., 1 600 руб. в год, 133 руб. 34 коп.); мещанин Ф. Максимов (Ивановский и др., 250 руб. в год, 20 руб. 84 коп. в месяц) (ЦХД до 1917 г. Ф. 51. Оп. 3. Д. 102. Л. 7).

¹¹² См.: Там же. Л. 263.

¹¹³ Сб. РИО. Т. 45. С. 476.

¹¹⁴ Там же. С. 485.

¹¹⁵ Сафонов М.М. Проблема реформ в правительственной политике России на рубеже XVIII и XIX вв. Л., 1988. С. 27.

¹¹⁶ ЦХД до 1917 г. Ф. 51. Оп. 3. Д. 85. Л. 1.

¹¹⁷ РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2448. Л. 21. Наблюдалась довольно значительная дифференциация цен в зависимости от местонахождения губерний. Наиболее высокой была цена соли в Петербургской, Псковской, Смоленской, Новгородской, Олонецкой – 2 руб.; Московской, Орловской, Калужской и Вологодской – 1 руб. 70 коп. Дешевле всего соль продавалась в Астраханской губернии (60 коп.) (место казённой добычи соли. – Г.Н.); Кавказской, Тобольской и Томской (80 коп.) (Там же. Л. 22). Вероятно, это связано и с привилегиями для Сибири. Иначе говоря, утверждение исследователей, что «с 1812 г. для каждой губернии устанавливалась цена особая... Она складывалась из себестоимости соли для казны в данной губернии и к ней прикладывалась упомянутая акцизная надбавка... чем дороже транспортировка, тем выше себестоимость» не всегда верно (Введенский Р.М. Экономическая политика самодержавия в конце XVIII – первой половине XIX в.: По материалам соляного дела: Пособие к спецкурсу. М., 1983. С. 55).

¹¹⁸ ЦХД до 1917 г. Ф. 51. Оп. 3. Д. 85. Л. 2.

¹¹⁹ Там же. Л. 7.

¹²⁰ Отмечалось: «...по невозможности привести ту соль в известность, он г. Красовский обще с командированным со стороны г. сенатора и гражданского губернатора чиновником г. майором Ивановым не мог ничего более сделать, как только наложили к 9 магазинам с солью свои печати, и выдавали с весу... командированному мною прежде для сего предмета бухгалтеру Буторьину, который по несколько кулей записывал в данные ему за скрепою г. ассессора Красовского тетрадь приходом, что и донныне продолжается. Бухгалтер... отпускает уже от себя нанятым двум сидельцам для мелочной продажи, на том дворе учреждённой, и потом вырученные за все деньги представляет... г. ассессору Красовскому...» (Там же. Д. 70. Л. 1).

¹²¹ Там же. Л. 7.

¹²² Так, в рапорте судьи 2-го департамента Московского надворного суда Старцова и заседателя 3-го департамента Мясоедова в казённую палату от 5 февраля 1813 г. отмечалось, что во время освидетельствования казённых соляных магазинов они заметили пожар, во время которого многие из кулей были залиты водою, разорваны и соль затоптана в грязь, а «соляной пристав объявил, что сие происходит от недостатка магазинов...» (Там же. Л. 12об.).

¹²³ В ведомости указывалось: «В наёмном Савинном монастыре амбаре под № 1 – 268 кулей, 2661 пуд; в заштатном городе Воскресенске – 143 куля, 1 267 пуд.; в принятой на 1813 г. в наёмном Савине монастыре амбаре 934 куля, 10 772 пуд. Итого 1 345 кулей 14 700 пуд. В казённой мелочной соляной лавке – 16 кулей 169 пуд.» (Там же. Д. 69. Л. 187).

¹²⁴ Так, 28 января 1813 г. в Московскую казённую палату поступила просьба от подольского уездного казначея об отпуске на починку здешнего соляного магазина 453 руб. (Там же. Л. 130).

¹²⁵ При этом отмечалось, что никто, кроме соляного пристава Огаркова, таких сведений не подал (Там же. Д. 85. Л. 7).

¹²⁶ См.: Там же. Л. 8.

¹²⁷ *Введенский П.М.* Указ. соч. С. 62.

¹²⁸ Там же. С. 73.

¹²⁹ Вместо 60 коп. за пуд (стоимость выварки соли с доставкой в Нижегородские магазины на казённых Дедюхинских заводах) благодаря взятке в 42 тыс. руб. в 1815 г. солепромышленники стали получать 66,18 коп. с пуда (См.: *Носова Г.В.* Об особенностях внутренней торговли России в 1812–1815 гг. С. 178).

¹³⁰ Сб. РИО. Т. 45. С. 221.

¹³¹ Там же. С. 232.

¹³² Материалы для истории московского купечества. С. 477.

¹³³ Там же. С. 486.

¹³⁴ *Чернуха В.Г.* Паспорт в России, 1719–1917 гг. СПб., 2007. С. 198.

¹³⁵ Сб. РИО. Т. 45. С. 476.

¹³⁶ Там же. С. 485.

¹³⁷ Примечательно, что Каменец-Подольский, будучи приграничным городом, не пострадал в войне 1812 года (хотя в некоторых его уездах была чума), это был религиозный центр (в 1798 г. была возвращена резиденция Каменецкого католического епископа), существовало отделение Подольской семинарии, преобразованное в 1817 г. в Каменецкое училище (Город Каменец-Подольский: Ист. описание священника Е. Сецинского. Киев, 1895. С. 72, 74, 187).

¹³⁸ В рапорте от 5 июля 1813 г. из Подольского земского суда московскому гражданскому губернатору Н.В. Обрескову раскрывалась суть претензии К. Колычева к экономическому крестьянину «Троицко-Ознобишенской волости сельца Песье... В.С. Щербакову в не доставлении для типографии в Каменец-Подольской губернии разного сорта товаров на 1000 руб. и полученного там от комиссионера Аборского книжного товара в 14 пачках ценою каждая по 250 руб.» (ЦХД до 1917 г. Ф. 17. Оп. 1. Д. 83. Л. 2). Голова экономической Ознобишенской волости В. Ефимов показал, что «означенного

крестьянина Щербакова жительство в сельце Пясье не находится и где он ныне по данному в прошлом 1812 г. в июне месяце плакатному пашпорту жительство имеет, не известно...» (Там же. Л. 2). Ефимову предписано, пока не найден Щербаков, чтоб он «учинил запрещение, чтоб родственникам его из дома принадлежащих ему вещей, равно и оного продаваемо не было» (Там же. Л. 2об.).

¹³⁹ РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2448. Л. 56.

¹⁴⁰ Там же. Л. 173.

¹⁴¹ Ополчение 1812 года: По источникам, собранным А.А. Мироновым // Материалы для истории дворянства Санкт-Петербургской губернии / Под ред. гр. А. А. Бобринского. СПб., 1912. Т. 2, Вып. 1. С. 222.

¹⁴² Материалы для истории московского купечества. С. 66.